

Пахоменко Мария Леонидовна

25.03.94.

Труд. - 1997 - 25 марта с. 6
Мария
ПАХОМЕНКО:

«Я НЕ ЗНАЛА БЕШЕНЫХ СТРАСТЕЙ»

«Нежная Маша» — так в простоте охарактеризовал русскую певицу Марию Пахоменко один итальянский журналист. А она в своих песнях — и нежная, и страстная, и отчаянная, и озорная, и печальная. Очень разная.

— Мария Леонидовна, а как все начиналось?

— Начиналось — естественно. Дома. Отец играл на гармонии, баяне, мог сесть к фортепьяно. У мамы был замечательный голос, но она была робкая, застенчивая. Не то что при чужих — при нас, детях, стеснялась петь. Я пряталась в спальне и слушала, как она напевает за работой песни и даже арии из опер...

В шестом классе организовала в школе хор, а позже мы с подружками стали петь квартетом. Бывало, на улице зайдём под арку, там великолепный резонанс, как запоём, да с джазовыми аккордами... И слышим: «Девчонки! Кто вас научил?» А мы рады и счастливы: «Никто не учил, сами!» Так и пели до 1957 года, пока не узнали, что Дворец культуры имени Ленсовета ведёт набор в молодежный эстрадный ансамбль. Мы приехали, а там уйма народу. Дошла очередь, мы без сопровождения спели «Красную розочку». Это была чешская песенка, очень тогда популярная. Слова были переведены на русский, но некоторые из них принято было произносить как бы с иностранным акцентом. И опять спрашивают: «Кто научил? Сами? Не может быть!»

Руководителем молодежного ансамбля был Анатолий Бадхен. Мы прошли у него хорошую школу. Потом нас подхватил замечательный хормейстер Валентин Акулшин. Потом — комиссия Управления культуры. Мы были очень юные, но в Ленконцерт нас приняли без вопросов.

— ...И вы там остались на всю жизнь. А что ж остальные?

— Не суждено нам было петь вместе. Родители девчонкам не разрешили, говорили, что несерьёзное это занятие. Они пошли в

технические вузы, а я начала работать солисткой. Ещё до того у меня уже был опыт записи на радио. Не знаю, как теперь, но тогда можно было прийти с улицы и сказать: «Послушайте меня, пожалуйста»...

Правда, я пришла не одна, а с мужем, композитором Александром Колкером. И с его песней. Он тогда тоже был на радио новым лицом. Песня была «Качает, качает, качает...»

— «...Задира ветер фонари над головой».

— Вы тоже помните? Как же было эту песню не взять? Дирижер и редактор сказали: «Нам это нравится, давайте записывать». Так вот все и началось. А потом «Стоят девчонки», «Корабли», «Признание», «Чудо-кони».

Я не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы не встреча с Александром Наумовичем. Когда специально для тебя пишут песни, да ещё такие — каждая «в десятку».

— И тексты замечательные...

— Не тексты, а стихи. «Тексты», извините, — это сейчас...

После первого успеха ко мне стали приглядываться и другие композиторы. Я пела песни Валерия Гаврилина «Любовь останется», «Скачут ночью кони». И сегодня, когда я выхожу и начинаю петь эти песни, я вижу: у людей глаза светятся...

— Мария Леонидовна, банальный вопрос: какое из ваших выступлений вам наиболее памятно?

— Все выступления на съездах композиторов. Их было много, но каждое — как экзамен. Выходить на сцену в зале, полном профессионалов, — это, знаете ли, испытание. И когда его выдержишь, чувствуешь настоящее счастье.

Был у меня счастливый вечер на Лазурном берегу в Каннах. Там проходит традиционный фестиваль

грамзаписи. У меня в 1969 году вышло три с половиной миллиона пластинок, и мне присудили приз «Золотой диск». На следующий год я поехала во Францию. Была одна из Союза. Надо ли говорить, как я волновалась?

Волосы у меня тогда были длинные и густоты неимоверной. Так дрожали руки, что собрать их в причёску не могла... Потом подумала: «Пойду, как есть. Здесь ведь таких, как я, больше нет, все под мальчика подстрижены...» Что тут началось за кулисами! Подходят, трогают: неужели настоящие? Выхожу на сцену и вижу — операторы кинулись к камерам — тогда из Советского Союза мало приезжали, интерес к нам был велик. И тут как будто что-то щёлкнуло — вместо страха такой напор, такой подъём!

Очень страшно было ехать в Италию, на фестиваль современной музыки, там каждый рыбак — певец. Но и там меня как только не называли — и соловей, и ручеек, и нежная Маша...

— Медные трубы славы звучали для вас громко. А огонь, вода — через них-то прошли?

— Огонь — это, видимо, бурные страсти? Корни нашей семьи в Белоруссии. Белорусы — теплые, незлобивые, спокойные люди. Чтобы их разозлить, раззадорить, нужно очень постараться. Вот и у меня так: я никогда не знала бешеных страстей, меня не тянуло ни к картам, ни к любовным сумасшествиям... Хотя по поводу последних мне приписывают массу подвигов...

— Ну а соперничество в творчестве? В семье, где оба занимаются творческим делом, такое случается. Тем более на сцене...

— Я ни с кем никогда не сводила счёты, никому не делала плохо. Более того, старалась отвезти в Москву, показать на радио или телевидении пленку начинающей певицы, новую песню композитора.

— Наконец, «вода», что остужает, разочаровывает, огорчает?

— Потери близких. Очень рано — в 34 года — ушел из жизни брат.

Мы всей семьей тяжело пережили эту горе. И отец прожил очень мало, всего 56 лет.

На работе тоже были сложности, например, хроническая нелюбовь, пристрастность начальства. Но стоит ли об этом говорить?

— Что ж, давайте о другом. Жизнь человека не ограничивается работой. Кто вы прежде всего — артистка, хозяйка дома?..

— В первую очередь — мать, а теперь и бабушка. Я никогда не поступалась семейными обязанностями: для меня были главными дочь, муж, мама, сестры. И на все меня хватало. Теперь я понимаю, что, наверное, могла сделать на сцене во много раз больше, если бы вела себя по-другому. Но тогда бы я пошла против своей натуры.

Наверное, такой характер у меня от мамы. Она была удивительной красавицей: смольные волосы, не глаза — очи, овал лица — изумительный. И при такой красоте она о себе не думала, была истинной подвижницей. С утра и до ночи — в работе. Четверо детей — можете себе представить, что это такое? Она нас жалела, и все брала на себя. Но и мы подросли, стали ее жалеть, помогать во всем. Моя дочь тоже купалась в обожании, а потом стала участвовать во всех домашних делах, и помогать, и заботиться — все, как у нормальных людей. Она по образованию актриса и режиссер, сейчас с этими профессиями жить трудно.

Для нее, как и для нас с мужем, сейчас главный человек — Маша. Дочка и внучка. Ей восемь лет. Вокруг этой девочки мы объединились, все вместе учимся в первом классе.

— Но при этом вы еще продолжаете петь...

— Я это называю «позвонковые концерты». Звонят, приглашают. Это может быть концерт к 300-летию флота, это может быть твор-

Сегодня у заслуженной артистки России Марии Пахоменко юбилей. Вместе с ее многочисленными поклонниками «Труд» поздравляет Марию Леонидовну и желает ей оставаться молодой и лучезарной.

ческий вечер в Москве, Екатеринбург, Курске. Это может быть выступление на предприятии, в школе, в клубе. Конечно, в Колонном зале петь приятнее, но — зрители везде, для них и работаешь.

А вот однажды звонят из Белоруссии, из Могилева, приглашают принять участие в фестивале «Золотой шлягер». Недавно он проходил уже третий раз. Участвовали Нани Брегвадзе, Эдуард Хиль, Валерий Ободзинский, Галина Ненашева. Даже Вадим Мулерман из США прилетел. А зрители какие! Все песни помнят и просят, просят спеть «на бис»...

— И вы все просьбы исполняете?

— Мне это нетрудно: Александр Наумович за роялем. И знаете, что замечала: на последнем фестивале в залах не только наше поколение, но и молодежь. Как видно, наши песни им тоже нужны. Ведь они — действительно о главном.

Беседу вела
Полина СОЛОВЕЙ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.